

Л.И. Куликов

ЯМА, ЯМИ И ВЕДИЙСКАЯ ЧАСТИЦА *GHĀ*: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РВ 10.10.10¹

В настоящей работе показано, что традиционная интерпретация ведийской частицы *ghā* как эмфатической («возможно, действительно, конечно» и т. д.), хотя и допустима для некоторых ее употреблений, не объясняет ее функцию в ряде сложных фрагментов из Ригvedы, в частности в гимне-диалоге близнецов Ямы и Ями (РВ 10.10). На основе прагматического анализа этого диалога, а также филологического анализа других употреблений этой частицы в ведийском традиционная интерпретация *ghā* должна быть пересмотрена. Показано, что во многих случаях *ghā* функционирует как консекитивная частица, которую следует переводить как «тогда, в результате, поэтому». Дополнительные доказательства в пользу этого анализа представлены соответствиями *ghā* в других индоевропейских языках, в первую очередь в славянских (частица *že*, которая также может использоваться для выражения причинно-следственных связей), а также многочисленными типологическими параллелями.

Ключевые слова: частица, консекитивный, причинно-следственный, ведийский, славянские языки, инцест, индоевропейский

L.I. Kulikov

YAMA, YAMĪ AND THE VEDIC PARTICLE *GHĀ*: ON THE INTERPRETATION OF RV 10.10.10

In the present paper I argue that the traditional translation of the Vedic Sanskrit discourse particle *ghā* as “perhaps, indeed, certainly”, etc., albeit acceptable for some of its occurrences, cannot explain a number of difficult passages from the R̥gveda, in particular, in the hymn-dialogue of the first humans, the twins Yama and Yamī (RV 10.10). On the basis of a pragmatic analysis of this dialogue as well as a philological study of other attestations of *ghā* in Vedic, I reconsider the traditional interpretation of *ghā*. I argue that *ghā* functions as a consecutive connector, meaning “then, (if so) then, as a result”. Additional evidence in support of this analysis is provided by the cognates of *ghā* in other Indo-European languages, first of all, by Slavic *že*, which can serve to express causal relations, as well as by numerous typological parallels.

Keywords: particle, consecutive, causal relations, Vedic, Slavic languages, incest, Indo-European

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Э.Н. Акимову, А.А. Гиппиуса и П.В. Петрухина, а также участников конференций «Atharvaveda, Paippalāda and beyond» (Лейденский университет, 31 марта 2015 г.) и XXXVI Зографских чтений (С.-Петербург, 27 мая 2015 г.), где были представлены фрагменты данной статьи, и в первую очередь — Я.В. Василькова, В. Видунаса, А. Гриффитса, А.М. Дубянского, А.М. Лубоцкого, М. Оорт и Т. Пронка, — за ценные замечания и комментарии.

перевода¹. В статье А. Хеджиб-Агера, специально посвященной этой частице, предлагается более тонкое описание ее функции: «*Gha* indicates the abruptness of the change of subject and the discontinuity of theme»; «*Gha* is indeed a particle of attention and concentration. It demands at its utterance attention to the central theme of the verse which is mostly indicated by a pronoun or a preverb that precedes *gha*» [Hejib-Agera 1985–86: 74]. Иными словами, функция *ghā* определяется как маркирование смены топика (главной темы высказывания). Такое употребление действительно засвидетельствовано в ряде контекстов (особенно в комбинации с сочинительным союзом *utá*)², но это описание явно не исчерпывает круг значений *ghā* и, самое главное, никоим образом не проясняет его роль в процитированном выше фрагменте РВ 10.10.10³.

В этой фразе вызывают недоумение две вещи. Во-первых, безнадёжный пессимизм Ямы: почему он так уверен, что когда-нибудь инцест станет моральной нормой? Во-вторых, если в будущем инцест станет обычным делом, почему не совершить его и не

¹ Приведем для примера несколько переводов первых двух строк стиха РВ 10.10.10 на европейские языки (выделение жирным шрифтом всюду моё. — Л.К.): «Il viendra **sans doute** (т. е. “наверное, вероятно”. — Л.К.) des générations plus tard où les consanguins feront l’acte interdit aux consanguins» [Renou 1956: 57]; переводу Л. Пену следует Ж.-Ж. Пино: «Il viendra **sans doute** des âges plus tard ...» [Pinault 2012: 159]; «**Wohl** mögen kommen spätere Geschlechter, wo Blutsverwandte Blutschuld auf sich laden» [Grassmann 1876–1877: II, 297]; «**Verily** there shall come those later ages (*yugá*) in which next of kin (*jāmi*) shall do what is unkinly [*lājāmi*]» ([Whitney/Lanman 1905: II, 818], перевод параллельного места из «Атхарваеды» — АВ 18.1.11); «Later ages will come, **indeed**, when blood relatives will act as if they were not related» [Doniger O’Flaherty 1981]. Два полных перевода «Ригведы», относящиеся к числу самых авторитетных, а также монография С. Шнаус, специально посвященная анализу гимнодиалогов РВ, оставляют эту частицу непереведенной: «Es werden später solche Geschlechter kommen, wo Geschwister Ungeschwisterliches treiben» [Geldner 1951: III, 135]; «Later generations will come, in which kin will perform the unkindred (act)» [Jamison & Brereton 2014: 1383]; «Herbei werden sie kommen, spätere Generationen, wo Verwandte das Nichtverwandte machen werden» [Schnaus 2008: 182].

² Например, в следующем фрагменте из гимна Индре РВ 4.30.7–8: [7] *kím ād utāsi vṛtrahan māghavan manyumāttamaḥ / ātrāha dānum ātirah* // [8] *etād ghéd utá vīryam índra cakārtha páuṁśyam / strīyaṁ yād durhaṇyúvaṁ vādhīr duhitāraṁ divāḥ* // «[7] А что и сейчас ты, о убийца Вритры, / О щедрый, (по-прежнему) самый неистовый? / Вот в ту пору ты поборол Дану. // [8] И еще это героическое деяние, / Подвиг мужества ты совершил, о Индра, / Что злонамеренную жену, / Дочь неба (= богиню Ушас. — Л.К.) ты прибил» (перевод [Елизаренкова 1989: 393]).

³ Замечу, что перевод самой Хеджиб-Агера [Hejib-Agera 1985–1986: 74] мне просто непонятен: «Let such couples come to pass later in the future when the brother and sister would do what is [considered] unbecoming them».

вступить в кровосмесительную связь с сестрой прямо сейчас? Нелогичность его рассуждения особенно очевидна по контрасту с тщательно продуманной аргументацией обоих участников диалога, характерной для гимна в целом.

Попытаемся представить, какой ответ Ямы был бы уместен и убедителен с точки зрения элементарной (бытовой) логики; иными словами, что можно было бы добавить к его ответу, чтобы сделать его менее нелогичным? Как нам кажется, ответ на этот вопрос единственный и очень простой: в этой фразе не хватает одного слова — союза со значением результата, или следствия (consecutive connector), т. е., попросту говоря, слова *тогда, в результате (этого), в этом случае, поэтому* и т. д. Иными словами, контраргумент Ямы сводится к следующему: если я вступлю в кровосмесительную связь с сестрой, *тогда* последующие поколения будут делать то же самое.

Проверим, уместна ли интерпретация *ghā* как слова со значением результата/следствия (консекутивного коннектора) в других контекстах. Выясняется, что в значительной части употреблений — примерно в половине из 75 засвидетельствованных в Ригведе употреблений этой частицы — такой перевод (*тогда, в результате, поэтому*) не только возможен, но и дает вполне приемлемое и, нередко, даже лучшее осмысление, нежели традиционная интерпретация. Приведем несколько примеров:

(2) РВ 1.27.1-2: [1] *vandādhyā agnīm nāmobhiḥ* / <...> [2] *sá ghā naḥ sūnūḥ śávasā pṛthúpragāmā suśévaḥ* / *mīdhvāṁ asmākam babhūyāt* «(Надо) почитать Агни поклонениями <...> — **Тогда** (т.е. если почитать таким образом Агни) да будет этот наш (Агни), сын (силы), с силой (своей), широко продвигающийся, очень благосклонный, щедрый, с нами!»

(3) РВ 1.30.7-8: ...*havāmahe* / *sákhāya índram ūtáye* // [8] *á ghā gamad yádi śrávat sahasrīṅbhir ūtibhiḥ* «...Индру мы призываем (как) друзья — на помощь. — **Тогда** (т.е. если призывать его) он придет, если услышит, с поддержками тысячи родов ...»¹

¹ Ср. некоторые из предлагавшихся переводов (выделение жирным шрифтом всюду моё. — Л.К.): «**Surely** he will come» [Jamison & Brereton 2014]; «Er komme **doch**...» [Geldner 1951: 32]; «Пусть **же** придет он...» [Елизаренкова 1989: 36]; «Hier wird er **ja** kommen» [Witzel et al. 2007].

(4) РВ 1.53.6-7: [6] *té tvā mādā amadan tāni vṛṣṇyā té sómāso...* [7] *yudhā yúdhām úpa ghéd eṣi dhṛṣṇuyā* «Эти опьяняющие напитки опьянили тебя (= Индру), твои бычьи (силы), эти соки... -- Именно **поэтому** / **в результате этого** ты храбро вступаешь в битву за битвой ...»

(5) РВ 8.2.25-26: [25] *pányam-panyam ít sotāra ā dhāvata mádyāya / sōmaṃ vīrāya sūrāya* [26] *pātā vṛtrahā sutām ā ghā gaman nāré asmāt / ní yamate śatāmūtiḥ* «Выжимальщики, промывайте самого восхитительного сому для опьяняющегося мужественного героя! -- **Тогда** / **В результате** (совершения этого ритуала) убийца Вритры, пьющий выжатый (сок сомы), придет (и будет) недалеко от нас, предоставит сотню поддержек!»

После «Ригведы» частица *ghā* практически выходит из употребления, но несколько раз она еще встречается в «Атхарваведе» (АВ). Значение консекутивного коннектора весьма уместно, например, для следующего фрагмента:

(6) АВ-Шаун. 6.1.2-3 = АВ-Пайпп.19.1.2-3: [2] *tām u ṣṭuhi yó antāḥ sīndhau* <...> [3] *sá ghā no devāḥ savitā sāviṣad amṛtāni bhūri* / «Славь же того, кто находится в реке <...> -- **Тогда** / **В результате** (этого восхваления) этот бог Савитар пошлет нам многие бессмертия»¹.

Характерной особенностью конструкций с частицей (коннектором) *ghā* является использование неиндикативных наклонений. Собственно в конструкции с *ghā* (т. е. в аподозисе), где описывается результат, следствие, часто находим субъюнктив, который в ранневедийском, и в первую очередь в языке Ригведы, уместнее всего переводить как будущее время, ср. (1, 3, 5, 6), в то время как в предшествующем тексте (в протазисе), где описывается условие или причина, нередко используется императив, ср. (5, 6). Очевидно, использование *ghā* было чрезвычайно характерно для разговорного стиля или, по крайней мере, для ситуации, апеллирующей к речевым актам, ср. в особенности употребления типа «Восхваляйте Индру! -- **Тогда** (*ghā*) он нам поможет». Эти соображения позволяют предложить удовлетворительную интерпретацию еще

¹ Или: «откроет для нас много (путей) к бессмертию» [Елизаренкова 2005: 264] (?).

одного трудного фрагмента уже упоминавшегося в начале этой заметки гимна «Яма и Ями»:

(7) РВ 10.10.2-3: [2] *ná te sákhā sakhyám vaṣṭy etát sálakṣmā yád viṣurūpā bhāvāti / mahás putrášo ásurasya vīrá divó dhartāra urviyā pári khyan //* [3] *usánti ghā té amṛtāsa etád ékasya cit tyajásam mártiyasya*

Здесь наибольшие затруднения вызывает гапакс *tyajásam* — вин.пад. ед.ч. отглагольного имени *tyajás-* (корень *tyaj* «оставлять (в беде), бросать, покидать»). В поисках приемлемой интерпретации многие переводчики пытались передать эту форму как «то, что остается; потомство»¹, однако, как справедливо отмечали ведологи в работах последних десятилетий [Schnaus 2008: 168–171; Bodewitz 2009: 262–263; Pinault 2012: 149–151], такая интерпретация невозможна, поскольку форма *tyajásam*, в силу суффиксальной акцентуации, может быть только именем деятеля (*nomen agentis*), но не именем действия (*nomen actionis*) и не именем результата действия. Буквальный перевод нашего фрагмента должен в этом случае быть следующим (заметим, что, как справедливо отмечает Пино, имя деятеля на *-ás-* может быть как мужского, так и женского рода):

«[Яма:] Твой друг не хочет такой дружбы (т.е. сексуальной связи), когда (женщина) с одинаковыми признаками (т.е. кровная родственница) становится (той, которой должна быть женщина) другого рода. Сыновья великого Асуры (вероятно, бога Варуны), герои, поддерживатели неба (вероятно, звезды – шпионы Варуны), осматривают (всё) широко вокруг. -- [Ями:] **Тогда** [т.е.: *если предположить, что боги действительно ведут себя так, как утверждает Яма, из этого следует, что*] те бессмертные (= боги) желают вот чего: того/ту, кто бросает/оставляет единственного смертного»².

¹ Ср. перевод Гельднера: «Die Unsterblichen wollen gerade das: einen Leibeserben von dem einzigen Sterblichen» [Geldner 1951: 413] и следующий ему перевод Джемисон и Бреретона: «The immortals do want this: a legacy of the one and only mortal» [Jamison & Brereton 2014: 1382].

² Именно так, буквально, переводит С. Шнаус [Schnaus 2008: 168]: «Es wollen aber die als Unsterbliche diese [Freundschaft], den Verlasser des (der ?) **einzig**en Sterblichen».

Как нам кажется, осмысленная интерпретация этого синтаксически сложного пассажа возможна, если допустить, что здесь мы имеем дело с чрезвычайно эмоциональной стилистикой речи Ями: пытаясь опровергнуть рассуждения своего брата, она пользуется риторическим приемом доведения его рассуждений до абсурда: если боги действительно ведут себя так, как ты говоришь, из этого следует, что они желают вот чего: чтобы (я) бросила/оставила единственного смертного¹ (т.е. тебя, Яму)².

2. Славянские параллели ведийского *ghā* частица *je*

В поисках подтверждения предложенной интерпретации ведийской частицы *ghā* (которая, вместе с другой, этимологически, вероятно, связанной, но синхронно уже разошедшейся с *ghā* эмфатической частицей *ha*, очевидно, должна восходить к праи.-е. **g^he/o*; см. Dunkel 2014: Bd. 2, 283–288) обратимся к материалу других индоевропейских языков за пределами индоарийской группы. Помимо довольно скудного иранского материала (язгулямская энклитическая частица *ya* и др.; см. [Mayrhofer 1986–1996 [EWAia]: т. I, 511]), надежные параллели обнаруживаются только в балто-славянских языках³. Самая важная для нас параллель — славянская частица

¹ Отдельной проблемой является употребление эпитета *éka- mártya-* «единственный смертный» в отношении Ями. Почему Ями не относит себя к той же категории? Действительно, как нам известно из знаменитой истории о Яме и Ями, зафиксированной в брахманах (в частности, в «Майтраяни-Самхите» (1.5.12)), именно Яма умер первым, а безутешная Ями оплакивала его смерть, пока боги не создали ночь, заставив Ями забыть о брате. Есть основания предполагать, что какие-то обстоятельства биографии Ями привели к утрате им бессмертия; возможно, это было вызвано преодолением водного пространства, кратко упоминаемым в РВ 10.10.1b (см. [Schneider 1967: 16–17]): *tiráḥ [... cid arṇavám jaganvān* «...даже если он прошел [...] через бурный поток!» (перевод [Елизаренкова 1999: 124]), в то время как Ями сохранила свою полубожественную природу (унаследованную от родителей-богов) и бессмертие.

² Такая интерпретация представляется более вероятной, нежели синтаксически громоздкий перевод самого Пино: «Ces immortels veulent précisément ceci: que le mortel, même unique, ait une [femme] qui s'abandonne». Маловероятным представляется также предлагаемое Пино понимание глагола *tyaj* («Le sens de s'abandonner soi-même, de livrer sa vie de façon hardie», т. е. «отдающаяся (душой и телом)»), засвидетельствованное лишь для нескольких отглагольных имен; для финитных форм этого глагола обычной является негативная семантика («покидать, оставлять (в беде)»).

³ Помимо индоиранских и балто-славянских форм, возможной параллелью могла бы быть частица *ka* в тохарском В; связь с прочими формами, приводимыми как возможные рефлексy праиндоевропейского **g^he/o* (в германском и латыни: *hi-*с), весьма проблематична; см. [Dunkel 2014: Bd. 2, 283–285 и сн. 15]. Нередко сопоставляемая

же (ср. также частицу *-go* — вариант, восходящий к другой ступени огласовки)¹, хорошо засвидетельствованная начиная с древнейших славянских памятников, в частности в старославянском.

Частица *же*, как известно, чрезвычайно многозначна (ср., например, ее подробное описание в [Цейтлин и др. 1994: 212–215]). Среди ее функций мы находим и функцию маркирования смены топика (по-видимому, одна из важнейших для этой частицы, хорошо сохранившаяся и в современном русском языке и, скорее всего, исторически связанная с аналогичной функцией частицы *ghǎ*, упомянутой в начале этой заметки²), как, например, в Мт 19.21–22 (Мар. ев.): рече емоу іс аште хочещи съвръшенъ быти іди продаждъ имѣние <...> Слышавъ же юноша слово отиде скръба.

Примечательно, что мы находим также — хотя и несколько реже — использование *же* при выражении причинно-следственных отношений. В качестве каузального коннектора (причинной частицы) *же* встречается, напр., в Мк 16.8 (Зогр. ев.): і ишьдъша бѣжаша отъ гроба Імѣаше же ѡ трепеть і оужась.

Функцию консекутивного коннектора (значение результата/следствия, которое, впрочем, не всегда легко отграничивается от значения временной последовательности) иллюстрируют следующие примеры: И 9.11 (Зогр. ев.): ‘і рече ми · ‘іди въ кѣпѣль силаамъж ‘і оумы сѧ шьдъ же ‘і оумывъ сѧ прозърѣхъ ; Мт 24.48, 50 (Ас. ев.): Аште ли речет зълѣи работъ въ срѣци своѣмъ моудитъ гнѣ мои приті <...> Придетъ же гнѣ раба того въ денъ въ ньже не чѣеть.

Консекутивное употребление частицы *же* можно найти и в древнерусском, например, в следующем фрагменте из Ипать-

с *ghǎ* др.-греч. частица *γε* (например, в этимологическом словаре М. Майрхофера [Mayrhofer 1986–1996 [EWAia]: т. I, 511]: «davon nicht zu trennen gr. *γε*») не связана с *ghǎ*: *γε* может восходить к праи.-е. **ge* или **ge*, но не к **g^he*.

¹ Заметим, что, с формальной точки зрения, частица *же*(/*-go*) также могла бы быть рефлексом праи.-е. частицы **ge*(/**go*), которая, в свою очередь, является одной из возможных праформ для др.-греч. частицы *γε* (см. предыдущую сноску), так что *же*(/*-go*) может быть результатом совпадения двух различных праиндоевропейских частиц (см. [Dunkel 2014: Bd. 2, 282 и 283, сн. 5]).

² Ср. об аналогичной функции (topic switch marking) древнерусской частицы *же* в диссертации [Ickler 1981], а также в работе [Ickler 1977: 658–663]. Перечень различных функций частицы *же* (включая причинную) в древнерусском см. также в книге А.А. Зализняка о древнерусских энклитиках [Зализняк 2008: 28–30].

евской летописи, обсуждавшемся в недавней работе Д.Е. Афиногенова [Афиногенов 2015: 19] в связи с истолкованием значения слова *шоломя*, обозначавшего, как показывает автор, высокий и крутой берег озера или реки:

Наворопници же, перешедше Хороль, взиидоша на шолома, гладающе, кдѣ оузрать ѣ.

Коньчакъ же стоялъ оу лоузѣ, его же ѣдоуще по шоломени мминоуша (Ипат. лет., стб. 635–636).

Если первое *же* во втором предложении этого текста (*Коньчакъ же ...*), очевидно, имеет обычную функцию маркирования смены топика, то второе употребление частицы, конечно, нельзя истолковать таким же образом. Самой уместной здесь представляется интерпретация последнего *же* как консекүтивного коннектора: «А Кончак стоял на лугу, *так что / поэтому* едущие по высокому берегу его не заметили».

3. Типологические параллели

Наряду с рассмотрением этимологически связанного славянского материала остановимся на типологических параллелях, обращая особое внимание на служебные слова (союзы, союзные слова, коннекторы — та область лексикона, которая в современных работах часто описывается под общим названием *discourse markers*), обнаруживающие сходный тип многозначности. Выясняется, что схожая полисемия, т. е. выражение одной формой (или несколькими родственными формами) нескольких или даже всех обсуждавшихся выше значений (временной последовательности, маркирование смены топика, причины, результата/следствия) не является редкостью в языках мира.

Так, испанское *pues*, восходящее к лат. *post* «затем, после, позже, впоследствии», имеет как каузальную (*Te lo diré, pues de todos los modos has de saberlo* «Я скажу тебе это, **так как** так или иначе ты узнаешь об этом»), так и консекүтивную (*No tengo ganas de comer. — Pues no comas* «Мне не хочется есть. — **Тогда** не ешь») функции; см. также [Massip 2003] о каталанском *pus*.

Примечательна группа форм, засвидетельствованных в нескольких германских языках и восходящих к одному источнику — форме, образованной от основы указательного (дейктического)

местоимения (прагерм. **þan(n)-*) и восходящей, в конечном счете, к аккузативу праиндоевропейского указательного местоимения **so-/to-: *tom*. Эти формы могут выражать как каузальное значение (нем. *denn*), так и значение временной последовательности и/или консекутивное (англ. *then*, нем. *dann*, нидерл. *dan*); см., напр. [Redder 1990]¹.

Отметим, что консекутивное употребление рефлекса этого местоимения в славянском засвидетельствовано и в древнерусском — для формы творительного падежа (*темъ*), как в следующем примере из Суздальской летописи (ст. 332): *бе бо в то время послалъ сына своего Мстислава въ Оугры да темъ и не твердъ бе ему бродъ* [Акимова 2006: 34].

Наконец, функцию маркирования смены топика и консекутивное значение совмещают нем. *also* и швед. *alltså* (см., напр., [Fischer & Alm 2013]).

4. Заключительные замечания

Сказанное выше позволяет заключить, что функция консекутивного коннектора (значение «тогда, в результате»), хотя и никогда не фиксировавшаяся словарями для частицы *ghǎ*, может быть надежно установлена для этой формы. Вед. *ghǎ*, *ha* вместе с их славянскими параллелями (*же*, *-go*) восходят к праинд.-е. **g^he/o*, для которого, как и в случае *ghǎ*, *ha* и *же*, по-видимому, можно предполагать употребление в качестве слова, указывающего на структуру дискурса (discourse marker) и восстанавливать если не все, то многие из перечисленных в предыдущем разделе функций/значений: значение временной последовательности — маркирование смены топика — каузальный и консекутивный коннектор (значение причины и результата/следствия). Все эти значения, по-видимому, достаточно легко «перетекают» одно в другое, причем, чаще всего, вероятно, направление грамматикализации именно таково, как в приведенном выше списке, начиная с наиболее «лексического» значения временной последовательности.

Необычным для реконструируемой формы является аблаут, т. е. чередование *e/o*, присущее скорее полнозначным морфемам,

¹ Интересно, что консекутивная семантика предполагается и для праиндоевропейского местоимения **to-*, формы которого, по-видимому, также могли выступать в адвербиальной функции («тогда»); см. [Dunkel 2014: Bd. 2, 775–778 и 798].

что наводит на мысль о возможной связи с какой-либо корневой морфемой — например, с глагольным корнем. Пожалуй, наиболее вероятным (если не единственным) кандидатом на роль такой морфемы является глагольный корень $*g^{wh}en-$ «бить, ударять» (ср. вед. *han* «убивать, бить», през. *hán-ti*, перф. *jaghāna* < праи.-е. $*g^{wh}e-g^{wh}on-e$; ст.-слав. *гънати*, *женѣ*, итер. *гонити* и т. д.). Правда, в отличие от праформы $*g^he/o$, для этого корня реконструируется лабиовелярный ($*g^{wh}$), а не простой велярный. Напомним, однако, что праиндоевропейская форма нашей частицы реконструируется преимущественно на основе материала двух сатэмных групп, индоиранской и балто-славянской, где простые велярные и лабиовелярные совпали – так что, строго говоря, источник вед. *ghā*, *ha* и слав. *же*, *-go* следовало бы восстанавливать в виде $*g^{(w)he/o}$. Возможно, на некотором древнем (ранне-праиндоевропейском) уровне морфемы $*g^{(w)he/o}$ и $*g^{wh}en-$ были связаны, хотя о характере их семантической связи (через значение отмеряемых ударами временных интервалов?) судить трудно – здесь мы вторгаемся в область спекулятивных предположений, которые трудно или практически невозможно подкрепить индоевропейским лингвистическим материалом.

Библиография

- Акимова Э.Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2006. 240 с.
- Афиногенов Д.Е. Так за чем она, русская земля? // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб: Наука, 2015. С. 18–25.
- Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы I–IV / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. 767 с.
- Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы IX–X / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 559 с.
- Елизаренкова Т.Я. Атхарваведа (Шаунака). Т. 1: Кн. I–VII / Пер. с вед. яз., вступит. ст., коммент. и прилож. Т.Я. Елизаренковой. М.: Восточная литература, 2005. 572 с.

¹ Отметим также, что значение повторяющихся ударов («ударять, погонять») рассматривается многими индоевропейцами как исходное для глагольного корня $*g^{wh}en-$, см. [García Ramón 1998; ²LIV, S. 218] («Präsenswurzel wohl urspr. iterativer Aktionsart, aus der sich die bsl. Bedeutung “treiben” am besten erklären läßt»).

- Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 276 с.
- Цейтлин Р.М. и др.* Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
- Bodewitz H.W.* The dialogue of Yama and Yamī (RV. 10, 10) // *Indo-Iranian Journal*. 2009. Vol. 52. P. 251–285.
- Böhtlingk O. und R. Roth.* Sanskrit-Wörterbuch. 7 Bde. St. Petersburg: Eggers, 1855–1875.
- Doniger O'Flaherty W.* The Rig Veda: an anthology: one hundred and eight hymns / Sel., transl. and annot. by. W. Doniger O'Flaherty. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 343 p.
- Dunkel G.* Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. 2 Bde. Heidelberg: Winter, 2014. 338, 861 S.
- Fischer K. & M. Alm.* A radical construction grammar perspective on the modal particle-discourse particle distinction // L. Degand et al. (eds). *Discourse markers and modal particles: categorization and description*. Amsterdam: Benjamins, 2013. P. 47–87.
- García Ramón J.L.* Indogermanisch **g^{uh}en-* "(wiederholt) schlagen", "töten" // *Jasanoff J., H.C. Melchert & L. Oliver* (eds). *Mír curad: studies in honor of Calvert Watkins* (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 92). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998. S. 139–154.
- Geldner K.F.* Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt... Bd. 1–3. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. (Harvard Oriental Series; 33–35). xix, 490; 435; 418 S.
- Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig: Brockhaus, 1873. viii p., 1776 kol.
- Grassmann H.* Rig-Veda übersetzt und mit kritischen und erläuternden Anmerkungen versehen von H. Grassmann. In 2 Theilen. Leipzig: Brockhaus, 1876–1877. viii, 589; 523 S.
- Hejib-Agera A.* The particle *gha* in the R̥gveda // *Indologica Taurinensia*. 1985–1986. Vol. 13. P. 73–79.
- Ickler N.* Topicalization and relativization in Old Russian // *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1977. P. 656–669.
- Ickler N.* The particle "že" in Old Russian: the discourse origins of conditionals and relatives. PhD diss. University of California, Berkeley, 1981. v, 357 p.
- Jamison S.W. & J.P. Brereton.* The Rigveda: the earliest religious poetry of India / Transl. by S.W. Jamison and J.P. Brereton. Vol. 1–3. New York: Oxford UP, 2014. xiv, 1693 S.

- ²LIV = Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Unter Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler anderen bearbeitet von M. Kümmel, T. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. 2., erweiterte und verbesserte Aufl., bearbeitet von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert, 2001. 823 S.
- Mayrhofer M. [EWAia] Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–II. Heidelberg: Winter, 1986–1996. lxiv, 812; xxxi, 837 S.
- Massip M. A. Les conjonctions temporelles et leur changement syntaxico-sémantique vers les adversatives, concessives, conditionnelles, causales et consécutives // R. Caprini (ed.). Parole Romanze. Scritti per Michel Contini. Alessandria: Edizione dell’Orso, 2003. P. 305–318.
- Pinault G.-J. Sur l’hymne védique dialogué de Yama et Yamī (RV X.10) // S. Azarnouche et C. Redard (eds), Yama/Yīma: variations indo-iraniennes sur la geste mythique = Variations on the Indo-Iranian myth of Yama / Yīma (Publications de l’Institut de Civilisation Indienne; 81). Paris: Collège de France, 2012. P. 139–178.
- Redder A. Grammatiktheorie und sprachliches Handeln: “denn” und “da”. Tübingen: Niemeyer, 1990. xi, 350 S.
- Renou L. Hymnes spéculatifs du Véda traduits du sanskrit et annotés. Paris: Gallimard/Unesco, 1956. 276 p.
- Schnaus S. Die Dialoglieder im altindischen Rigveda: Kommentar unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer Kriterien. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. 476 S.
- Schneider U. Yama und Yamī (RV X 10) // Indo-Iranian Journal. 1967. Vol. 10. P. 1–32.
- Whitney W.D. / C.R. Lanman. Atharva-Veda Samhitā / Translated into English with critical notes and exegetical commentary by W.D. Whitney... Revised and edited by C.R. Lanman. 2 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1905. (Harvard Oriental Series; 7–8). clxii, 1054 p.
- Witzel M. et al. Rig-Veda: Das heilige Wissen. Erster und zweiter Liederkreis. Aus dem vedischen Sanskrit übersetzt und herausg. von M. Witzel und T. Gotō unter Mitarbeit von E. Dōyama und M. Ježić. Frankfurt/Main: Verlag der Weltreligionen, 2007. 889 S.